

Итоги 2013 года

09.12.2013

СТАТЬИ

Роман Ходыкин, партнер
юридической фирмы

Berwin Leighton Paisner

По традиции в последнем номере уходящего года принято подводить итоги. Что же изменилось в арбитраже за этот период?

Тринадцатый год многие встречали с опаской, выражение «чертова дюжина» прочно ассоциируется в умах соотечественников с чем-то дьявольским. Следует заметить, что английский эквивалент baker's dozen («дюжина булочника») не несет в себе никакой негативной окраски, ибо исторически булочник просто давал тринадцатую булочку в подарок, когда кто-то покупал дюжину. Хочется верить, что и 2013 г. принес в сферу третейского разбирательства только позитив.

Если размышлять о международном арбитраже в целом, то, пожалуй, самым значимым событием года стало принятие 25 мая 2013 г. свода правил «О представительстве сторон в международном арбитраже» (IBA Guidelines on Party Representation in International Arbitration) [\[1\]](#). По сути, был заложен фундамент для новых стандартов поведения представителей в рамках третейского процесса. Надеюсь, это позволит арбитражу оставаться самым эффективным способом разрешения международных споров.

Интересным поводом для дискуссий в Англии стало решение Верховного суда по делу *Ust-Kamenogorsk v. AES* [2013] UKSC 35, связанному с постсоветским пространством. На первый взгляд дело казалось стандартным и касалось принятия антиисковых обеспечительных мер в поддержку арбитража. Только с участием российских компаний за последние годы было рассмотрено несколько таких дел. В действительности же оказалось, что в *Ust-Kamenogorsk v. AES* были поставлены весьма интересные вопросы, которые раньше не являлись предметом пристального изучения.

Например, был рассмотрен вопрос о дерогационном эффекте арбитражной оговорки. При идущем арбитражном разбирательстве английские суды довольно спокойно запрещают стороне судиться в иностранном суде с целью воспрепятствовать разбирательству в

арбитраже. Однако при рассмотрении этого дела идущего арбитражного процесса не было. Более того, ни одна из сторон не собиралась его возбуждать: Ust-Kamenogorsk намеревалась судиться в Казахстане, а AES вообще не хотела ни с кем воевать. Возник вопрос: будет ли в таком случае арбитражная оговорка иметь дерогационный эффект, т. е. исключать юрисдикцию всех иных судов? Казахская сторона заявляла, что, согласно ст. 44 Закона об арбитраже 1996 г. (Arbitration Act 1996), суд вправе вынести решение об антиисковых мерах только при идущем или готовящемся арбитражном процессе, а общая норма — ст. 37 Закона о высших судах 1981 г. (Senior Courts Act 1981) — не подлежит применению, поскольку Закон об арбитраже содержит исчерпывающее регулирование, исключающее применение общих норм процессуального законодательства.

Все арбитражники Лондона следили за ходом слушания (благо, его транслировали в прямом эфире), где шло обсуждение принятия Закона об арбитраже и его соотношения с другими законами. Слушание стало звездным часом для королевского адвоката Тоби Ландау, который волею судьбы играл решающую роль при написании арбитражного закона и знал его истоки, как никто другой. Английский суд остался верен своему дружественному подходу к арбитражу: лорды признают дерогационный эффект арбитражной оговорки и запрещают вести параллельные процессы. Такова еще одна победа международного арбитража.

Какое же из отечественных событий стало самым ярким в уходящем году? По резонансу в юридической сфере событием уходящего года, безусловно, можно назвать слияние Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, однако подводить какие-либо итоги явно рано: слияние пока не окончено, не говоря уже о возможности оценки его последствий.

Прошедший год также ознаменован многочисленными попытками изменить российское законодательство об арбитраже. Однако и это как-то не дотягивает до события года, а скорее, похоже на басню Крылова про лебедя, рака и щуку, где каждый тянет в свою сторону и пытается достичь сиюминутных целей, совершенно не стремясь разобраться в истинных проблемах третейского разбирательства и выработать всеобъемлющую концепцию. Несмотря на громкие заявления большинства рабочих групп о необходимости унификации

законодательства о международном арбитраже и третейских судах, никто так и не провел сравнение двух законов и не составил детальный список несоответствий или, по крайней мере, не предложил унифицировать режим конфиденциальности в данных законах[2].

Самым заметным событием постсоветского арбитража мне показалась отмена решения по инвестиционному спору RosInvestCo против Российской Федерации. Можно по-разному относиться к этому событию. Мне же оно представляется знаменательным по нескольким причинам. Во-первых, это первый случай отмены арбитражного решения против России. За последние десятилетия против нашей страны было подано семь исков в порядке инвестиционного арбитража, не считая решений коммерческих арбитражей, например по делу НоГа. В ходе разбирательства России удалось выиграть пока только дело *Berschader v. Russian Federation*. Уже вынесенные против нее несколько решений, несмотря на оспаривание со стороны государства, всегда оставались в силе. Теперь же есть первая победа. Во-вторых, эта отмена импонирует мне не только потому, что она первая, но и потому, что представляет собой результат цивилизованного метода работы по инвестиционному спору. До сих пор все решения инвестиционных арбитражей просто не исполнялись. Теперь, наконец, началась работа в правовом поле. В-третьих, это решение имеет международный резонанс, поскольку касается возможности применения к арбитражным оговоркам условия о наиболее благоприятствуемой нации. Принятое решение неизбежно породит волну новых исследований о компетенции инвестиционных арбитражей и даст толчок к развитию науки о нем.

Опубликовано в [Legal Insight №10 \(26\) 2013](#)

[1] Подробнее см.: Ходыкин Р. Представитель в международном арбитраже: «что такое хорошо и что такое плохо?» // *Legal Insight*. 2013. № 7 (23). С. 64.

[2] Подробнее см.: Ходыкин Р. Конфиденциальность и международный арбитраж // *Legal*

СТАТЬИ